

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЁЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Рассматриваются основные научные трактовки понятий «политическая активность», «политическое участие», проводится их анализ, раскрываются основные характеристики, структурно-функциональные элементы, приводятся типологии политического участия. Наряду с традиционными формами рассматриваются инновационные «постмодернистские» формы политического участия молодёжи как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

Ключевые слова: молодёжь; политическое участие; «сеть».

Классической теорией социально-политической активности признана модель участия, созданная С. Вербой и Н. Наем [1]. Согласно Д.В. Ольшанскому, социально-политическая активность – это «деятельность социальных групп или индивидов, связанная с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты» [2. С. 21]. С позиций политической психологии активность молодого человека в политике позволяет повысить самооценку, удовлетворяя глубинные потребности личности. Это отождествляется с «политической разрядкой внутренних психологических напряжений» [3. С. 118].

О.М. Карпенко и И.А. Ломанов выделяют пять компонентов, составляющих, по их мнению, содержание политической активности. К ним относятся такие виды политической активности, как мыслительная, электоральная, стихийно-массовая, структурная и профессиональная [4. С. 135–143].

Кроме того, ими выделяются индивидуальный и коллективный уровни социально-политической активности. Последний, в свою очередь, они делят на групповой (первичные, малые группы молодёжи в политике), организационный (уровень молодёжных организаций) и массовый (массовое политическое движение) [4. С. 144].

В современной политологии политическая активность молодёжи часто выражается через категорию «политическое участие». Так, например, по мнению О.Г. Щениной, политическое участие можно охарактеризовать как любую активность в сфере политики индивидов и социальных общностей [5. С. 78].

Можно сказать, что политическое участие молодёжи обозначает деятельность, при помощи которой молодые люди могут индивидуально или в рамках политических партий, молодёжных движений, организаций, групп с разной степенью рациональности и институционализации, в различных конвенциональных либо не конвенциональных формах пытаться влиять на функционирование, трансформацию или развитие политической системы, отстаивая этим свою субъектность в молодёжной политике.

В соответствии с теорией рационального выбора молодой человек отдаёт предпочтение тому или иному кандидату либо партии, выбирает наиболее выгодный для себя вариант [6]. Однако реальность не соответствовала теории, и с этим связана модель ограниченной рациональности Г. Саймона. В соответствии с ней человек не способен осуществлять выбор абсолютно рационально: «Челночок не ищет самую острую иголку, он ищет иголку, которой можно шить» [6. С. 21]. При-

нято рассматривать участие в выборах в качестве основной формы политического участия. Однако в том случае, если возникают обоснованные сомнения в честности выборов вследствие: выявленных случаев фальсификации результатов волеизъявления граждан; неправомерного использования служебного положения чиновниками федерального и регионального уровней, участвующих в избирательных кампаниях; монопольного контроля над средствами массовой информации и коммуникации со стороны «партии власти»; дискриминации, административного давления на оппозиционные партии и кандидатов; недопущения партий и кандидатов до участия в выборах; отсутствия на выборах международных наблюдателей и т.д. В этом случае у молодых людей возникает сомнение в легитимности выборов и выборных органов, снижается электоральная активность, причем это, как показывают данные проведенных нами исследований, может коррелировать с активизацией иных форм политического участия молодёжи. По мнению ряда политологов, в современной России «...отмечается тенденция на сворачивание реального участия молодёжи в политике, в управлении делами государства и общества» [5. С. 85].

Не обладая возможностями господствующих групп, подчиненные группы молодёжи обречены на неучастие в институциональной политической жизни, что способствует расширению социальной базы андеркласса. Британский ювенолог П. Алларт определяет эту категорию «как группу молодёжи, самим обществом выбрасываемую за его границы» [7. С. 74].

Отечественные политологи А.И. Ковлер и В.В. Смирнов считают, что политическое участие – это вовлеченность в той или иной форме членов общества на индивидуальной, классово-групповой или другой основе в политико-властные отношения, в процессе принятия решений и управления носящих политический характер [8].

С.Н. Захаров рассматривает политическое участие как элемент политической культуры, как явление, обусловленное уровнем экономического развития и состоянием (стабильность, переходность, кризис) общества [9]. Д.В. Коннычев рассматривает политическое участие как свободную активность граждан, прямо или опосредованно влияющую на принятие тех или иных вариантов или альтернатив на различных уровнях политической системы [10]. Согласно определению М.М. Назарова, под политическим участием понимаются действия людей или групп, предпринимаемые в целях выражения своих интересов и влияния на содержание принимаемых решений на различных уровнях реализации государственной власти [11. С. 47–59].

Особо следует отметить докторское диссертационное исследование О.В. Суровой «Политическая социализация Российской молодёжи в условиях трансформации общества», в котором рассматриваются проблемы политического участия молодёжи [12].

В политологии выделяют различные типы политического участия. В частности, различают традиционное и нетрадиционное политическое участие (конвенциональное и неконвенциональное). К традиционному типу политического участия относятся те его формы, которые строятся вокруг голосования, мобилизующего значительные политические ресурсы [13. С. 667].

Нетрадиционный (неконвенциональный) тип предполагает использование неинституционализированных форм и методов борьбы [14. С. 15]. Также политическое участие подразделяют на автономное и мобилизационное. В отличие от автономного, мобилизационное участие носит принудительный характер. Стимулами политической активности становятся страх, административная дисциплина и т.п. Как правило, мобилизационное участие направлено на создание видимости поддержки политической системы, формируемого элитой образа национального или регионального лидера, национального проекта, и его целью является демонстрация преданности правящей элите, всенародного единства и одобрения проводимой политики. Такую модификацию политического участия называют квазиучастием.

С. Хантингтон и С. Липсет уточняют, что тип политического участия в значительной мере определяется характером существующего политического режима [15]. Разумеется, проблема политического участия не может быть рассмотрена без учета правовых основ. Правовая система, существующая в обществе, определяет границы и допустимые нормы политической активности.

В ходе любого значимого социально-политического процесса, особенно переходного типа, совершенствуются и возникают новые виды политического участия. В условиях постмодернистской либерализации общественного мнения возникает необходимость дополнительной верификации норм политической активности. Причем административные репрессивно-принудительные действия государственной власти по силовой закупорке политического поля для «несогласной молодёжи» в условиях постмодерна лишаются своей характерной для модерна эффективности и нередко приводят к её осмеянию, лишь дискредитируя официоз в глазах населения. Как следствие молодёжные активисты начинают прибегать к «непротивленческим», «шарповским», «пародийным» акциям, постепенно вовлекаясь в деятельность оранжевых мондиалистских сетей [16].

Одной из разновидностей протестного политического участия, получившего развитие в XXI в., стала модель ненасильственного сопротивления. Данная модель, базирующаяся на гуманистических принципах Гандизма, имеет, однако, свою геополитическую подоплёку и используется атлантическим блоком для установления и реализации контроля над Евразией. Такая модель получила известность как технология оранжевых революций или революций постмодерна. Эта политическая технология предлагает молодёжи отнестись к политике как к игре, веселому занимательному меро-

приятию. Д. Шарп в своих работах, адресованных сотрудникам мондиалистских сетевых структур, работающих с активной молодёжью, раскрывает 198 механизмов реализации постмодернистской стратегии политического участия [17].

Одной из, по-видимому, последних попыток осуществления «оранжевых» революций на постсоветском пространстве стали события в Кишинёве. Поводом этих событий стала победа коммунистов на выборах. Однако действительной причиной волнений является не внутренняя, а геополитическая подоплёка. Известно, что Воронин, как и президент Узбекистана И. Каримов накануне Андиганских событий, фактически заморозил участие своей страны (Молдовы) в структурах ГУАМа и, напротив, предпринял ряд активных шагов, направленных на сближение с Россией. Следствием стало участие молодёжи в массовых несанкционированных акциях, подготовка которых велась с использованием постмодернистских «сетевых технологий»: в Интернете, блогах, социальных сетях, на форумах [18].

Протестное участие может перерастать в терроризм как оппозиционную деятельность экстремистски настроенных индивидов, целью которых становится систематическое применение насилия либо «ненасильственные действия» для дестабилизации властных структур. Сегодня политическое участие молодёжи всё чаще приобретает сетевую форму.

Её суть заключается в том, что главными элементами модели политического участия молодёжи в новую эпоху должны стать: обмен информацией, максимальное расширение форм производства информации, доступ к информации, распределение информации и механизм обратной связи.

Некоторые исследователи предпочитают говорить в этих условиях о становлении модели «сетевого общества» (Р. Коллинз, Э. Гидденс, М. Манн, М. Гранновтер). Обобщенная версия этого подхода применительно к современным условиям была предложена социологом М. Кастельсом, профессором Калифорнийского университета, изложившим свои идеи в трилогии «Эпоха информации». Он предлагает концепцию сетевого государства как государства, наиболее подходящего для современной эпохи. Эта концепция представлена моделью единого экономического пространства при сохранении формального политического суверенитета входящими в него странами [19. С. 22]. В рамках нового типа социального порядка – «общества сетевых структур» – принадлежность к той или иной сети выступает, согласно Кастельсу, в качестве «важнейшего источника власти» [20].

Если в обществе модерна централизованная система контроля и целевое обрамление процесса считались вершинами легитимного анализа результатов и продуктов политического вмешательства в жизнь общества по направлению «сверху вниз», то в условиях постмодерна, предполагающего децентрализацию и фрагментацию, данный подход ставится под сомнение. Поскольку в этих условиях присутствуют значительная дифференциация, большее число применяемых стандартов, увеличивается пространство для локальных маневров и адаптации.

В постмодерне востребованы модели, которые принимают во внимание разнообразие, преодолевают фор-

мальные организационные преграды. Конструирование моделей такого рода требует первоочередного рассмотрения процессов, а не стабильности, структуризации, а не структуры [21. С. 3–4].

В обществе постмодерна «Сеть» представляет собой информационное пространство, где формируются и реализуются стратегии политического участия молодёжи. Таким образом, «Сеть» включает в себя одновременно различные составляющие, которые в модерне рассматривались изолированно. Стремительное развитие информационных технологий способствует созданию единого сетевого пространства, организованного на базе глобальных коммуникаций, жизнедеятельности «виртуальных» общественных объединений. Современные объединения молодёжи эффективно функционируют на основе корпоративных информационных сетей [22. С. 13].

На наш взгляд, методологической основой для анализа сетевой модели политического участия молодёжи может выступать синергетическая парадигма, опирающаяся на четыре основных категории: нелинейность, необратимость, нестабильность и неравновесность [23. С. 72.]

Современная политическая реальность «отнодь не является ареной, на которой господствует порядок, стабильность и равновесие: главенствующую роль в окружающем нас мире играют неустойчивость и неравновесность» [24. С. 30].

В ходе исследования среди кузбасских студентов кузбасских вузов, проводимого в г. Кемерово и филиалах в феврале–мае 2009 (выборка 734 чел.; средний возраст опрошенных 19 лет, из них 55% – мужчины и 45% – женщины; учащиеся 1-го курса – 20%, 2-го курса – 23, 3-го курса – 21, 4-го курса – 17 и 5-го курса – 19%), преподавателями и студентами факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета исследовалась проблематика социально-политической активности молодёжи Кузбасса.

Одним из выражений политического участия является интерес к политике. «Позиция участия» в таком случае соответствует позиции «индивида, что-то знающего о политике и полагающего, что он может быть в ней активным» [25]. Как показали данные ответа на вопрос «Интересуетесь ли Вы общественно-политической жизнью страны, своего региона, города?», интерес к политике в Кемеровской области имеет выраженный характер. Так, 35,2% респондентов уверенно интересуются политикой, 19,2% – скорее интересуются, чем нет, 21,6% – интересуются время от времени, 8,8% – скорее не интересуются, и только 3,2% не интересуются политикой вообще.

Непосредственно регулярно принимающих участие в референдумах, выборах в органы государственной власти оказалось 36,8% респондентов, иногда принимающих участие – 23,2%, а 28% кузбасских студентов не принимают участия вообще.

Анализ показывает, что для подавляющего большинства студентов доминирующей ценностью оказалась личная свобода и независимость: о ней как о значимой заявили 57,6% студентов.

Результаты исследования доверия студенческой молодёжи Кузбасса основным политическим институтам

показали, что Президенту РФ полностью доверяют 51,8%, скорее доверяют 19,6, «иногда доверяют» и «скорее не доверяют» по 14,9%. Губернатору Кузбасса «полностью доверяют» и «скорее доверяют» 60,2 и 25% соответственно, в то время как «иногда доверяют» и «скорее не доверяют» 8 и 7% соответственно. Главе города «доверяют» 48,4% опрошенных, «иногда доверяют» и «скорее доверяют» по 23, «скорее не доверяют» 4%. Государственной думе РФ «полностью доверяют» 9,6% опрошенных, и такой же процент респондентов ей «не доверяют» вообще. Скорее доверяют Государственной думе РФ 19,2, «иногда доверяют» 38,4%. Правительству «полностью не доверяют» – 38,4%, «скорее не доверяют» 19,2%, «иногда доверяют» 19, «иногда не доверяют» 20, «скорее доверяют» 19% опрошенных. Низким уровнем доверия характеризуются армия и СМИ. Им не доверяют 57,6 и 62% соответственно. Скорее доверяют армии 22,4%, иногда доверяют 20% опрошенных.

Скорее доверяют СМИ – 28%, полностью доверяют – 10% опрошенных. Политическим партиям полностью доверяют 9,6% студентов, скорее доверяют 10,4, «иногда доверяют» 29, «скорее не доверяют» 20, «полностью не доверяют» 30%. Местным законодательным органам «скорее доверяют» 25%, «иногда доверяют» 34%, а 41% студентов «полностью не доверяют». Местным администрациям и государственным службам «скорее доверяют» 29,5%, «иногда доверяют» 20,5, «скорее не доверяют» 33,7, а 26,3% респондентов «не доверяют полностью». Правоохранительным органам «полностью доверяют» 15%, «скорее доверяют» 7,9, «иногда доверяют» 37,1, «скорее не доверяют» 26 и «полностью не доверяют» 14% опрошенных. ФСБ «полностью доверяют» 45%, «скорее доверяют» 16,7, «иногда доверяют» 23,3, «скорее не доверяют» 15%. Церкви «полностью доверяют» 28,8%, «скорее доверяют» 38,4, «иногда доверяют» 19,2, «скорее не доверяют» 9,6% респондентов. Сложно у Кузбасской молодёжи обстоят дела с показателем доверия к профсоюзным организациям, которым «полностью не доверяют» 28%, «скорее не доверяют» 34, «скорее доверяют» 18, «иногда доверяют» 20% опрошенных.

Отметим, что тенденция снижения доверия к профсоюзам сохраняется в Кузбассе последнее время и, по мнению А.А. Зеленина, объясняется тем, что «сегодня профсоюзы даже работающими перестают рассматриваться как реально действующие организации» [26. С. 164].

Общественным организациям, действующим на территории Кемеровской области, «скорее доверяют» 23,6% опрошенных, «иногда доверяют» 26,4, «скорее не доверяют» 19%, 31% «полностью не доверяют».

Исследования показывают, что наименьшую степень доверия у студенческой молодёжи Кузбасса заслужили именно те институты, которые должны составлять основу гражданского общества, – политические партии, местные законодательные органы, местные администрации и государственные службы.

Такая оценка властных и общественных институтов свидетельствует о их недостаточном влиянии на характер происходящих в области процессов. А между тем государственная поддержка конструктивных общественных объединений молодёжи может позволить вы-

строить поток их инициатив в относительно организационное поле деятельности, где достигаются крупные общенациональные цели [27. С.15].

Показатели по вопросу «В какой мере деятельность политических партий РФ отражает интересы избирателей?» таковы: 7,2% – полностью отражает, 43,2 – частично, 21,6 – скорее не отражает, 4% – совершенно не отражает и 6,4% респондентов затруднились ответить.

Общероссийские параметры социально-политической активности в условиях модернизации политической системы сыграли немаловажную роль в структурировании политического сознания населения Кемеровской области.

Следует отметить, что политическая активность молодежи Кемеровской области хотя и подчиняется общероссийским тенденциям, на региональном уровне приобрела свою специфику и особенности протекания.

Условия политической социализации населения Кемеровской области составляют специфика, условия, закономерности и тенденции политической модернизации и демократизации Кемеровской области, которые составляют институциональную и идеологическую основу для формирования регионального типа политической активности. Современная экономическая ситуация вынуждает большую часть молодых людей, семьи которых имеют средний достаток или ниже среднего, совмещать учебу с работой. Кузбасс обладает огромным резервом активной молодежи, это, в первую очередь, студенты высших и средних учебных заведений.

Анализ перечисленных фактов показывает, что в Кемеровской области политическое участие молодежи носит противоречивый характер. Этот процесс, с одной стороны, подчиняется основным тенденциям и закономерностям протекания современной политической модернизации и социализации молодежи российского общества, а с другой – сочетает в себе элементы определенных региональных социализирующих факторов и институтов, формирование и функционирование которых определяет основные параметры региональной особенности политического участия.

Прежде всего, выделим особенности условий для политического участия молодежи, существующих в трансформируемом обществе. Первостепенным условием, разумеется, является политическая система, ее характер, устойчивость, стабильность.

До сих пор не существует равноправия и равновесия ветвей власти [28. С. 31–34]. Неустойчива партий-

ная система, в которой наряду с конституционной многопартийностью все больше господствует одна партия – партия власти; это делает фиктивной деятельность российского парламента и малоактивную институциональную политическую жизнь. Незавершенность переходного периода в развитии России на пути к демократическому обществу очевидна, отмечается ответственными и зарубежными авторами. Общая характеристика российской политической системы позволяет видеть наличие в ней многих слабостей, отступлений от норм демократии. Особым фактором, сильно ослабляющим политическую систему России и бьющим по ее авторитету в глазах общества, молодежи в том числе, является теневая сфера молодежной политики. Наблюдается усиление навязываемого молодежи административного патернализма со стороны государственных структур, руководителей вузов, предприятий, силовых структур, политика сознательного снижения политической культуры, формирования массовой аморфности идеологических представлений; неверия в результативность общественной активности.

Крайне редко кузбасская молодежь выступает на митингах или демонстрациях в качестве самостоятельного субъекта, обычно молодежные акции проводятся под патронажем «партии власти», региональных, местных властей и, чаще всего, – в поддержку проводимых властью мероприятий. Напротив, молодежные организации, проводящие политические акции, идущие в разрез с политикой правящей элиты, всё чаще сталкиваются с препятствиями в проведении мероприятий и преследованием активистов. Формально признавая широкий набор прав и свобод, Российское государство крайне недостаточно обеспечивает возможности их практической реализации. Таким образом, очевидна противоречивость политической системы в направлении создания условий для политического участия молодежи. Молодежь в очень незначительной степени допускается в представительные и исполнительные органы власти, молодежь не имеет демократических рычагов влияния на властные структуры, большинство ее организаций несамостоятельны.

Все это диктует необходимость превратить вопросы политического участия молодежи в приоритетное направление молодежной политики государства, поскольку стихийное развитие ее политической активности чревато перерастанием в протестные формы, подобные тем, что наблюдались во Франции 2006 г. и Молдове 2009 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Verba S., Nie N.H. Participation in America. N.Y., 1972.
2. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М., 2002.
3. Lane R.A. Political Life and How People Get Involved in Politics. N.Y., 1965. P. 118.
4. Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодёжь в современном политическом процессе в России. М.: Изд-во СГУ, 2006.
5. Щенина О.Г. Формы участия молодежи в политическом процессе современной России: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.
6. Сысоева Н.А., Новокрепцов А.В., Фахрутдинова А.З. Электоральное поведение: американские теории и российская практика. Красноярск, 2001.
7. Cote J.E., Allaha A.L. Generation and Hold. Coming of Age in the Late Twentieth Century. N.Y.: N.Y. University Press, 1996. P. 74.
8. Ковлер А.И., Смирнов В.А. Демократия и участие и политике. Критические очерки истории и теории. М., 1986.
9. Захаров С.Н. Политическое участие молодежи в условиях модернизации российского общества: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2001.
10. Коньчев Д.В. Политическое участие (на примере российского регионального процесса): Дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2000.
11. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социс. 1995. № 1.
12. Суrowова О.В. Политическая социализация Российской молодежи в условиях трансформации общества: Дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2006.
13. Schonfeld W.R., Toinet M.F. Les Abstentionnistes ont-ils toujours tort? // Revue francaise de science politique. 1975. № 4.

14. *Milbrath L., Goel M.L.* Political participation. Chicago, 1977.
15. *Линсет С.* Политический человек. Социальные основы политики. М., 1998.
16. *Дугин А.Д.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007. 382 с.
17. *Шарп Дж.* От тоталитаризма к демократии. Издание Военно-Державного Союза России. М., 2005.
18. *Урсулов Д.* Поджог Рейхстага по-молдавски и др. URL: www.nm.md/daily/news/2009/04/07.html; correspondent.net/world/797511
19. *Кастельс М.* Глобальный капитализм // Экономические стратегии. М., 2000.
20. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 494–505.
21. *Bogason P.* Public policy and local governanse: Institution in Postmodern Society. UK – Northampton, MA, USA, 2000.
22. *Тетерский С.В.* Международный опыт государственно-общественной поддержки социальных инициатив детей и молодежи. М.: Реглант, 2003.
23. *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. М., 1998.
24. *Гофлер О.* Наука и изменение (предисловие) // Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986.
25. *Almond G., Powell G.* Comparative Politics. Boston; Toronto, 1968. P. 36.
26. *Зеленин А.А.* Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008.
27. *Иванов Л.П., Устинкин С.В., Рудаков А.В.* Молодежная среда в современной России: причины проявления экстремизма в националистической, ксенофобской, расистской ультраверсиях / Под ред. С.В. Устинкина. Н. Новгород, 2007.
28. *Малько А.В.* Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 ноября 2009 года.